

на, проколотъ зеркальныя окна кремлевскаго дворца». Однако въ общемъ П. М. Пильскій предпочитаетъ хвалить, — повторяю, черга рѣдкая и цѣнная: нѣтъ никакой бѣды въ томъ, чтобы «перехвалитъ» книгу. Въ этомъ отношеніи я поставлю ему въ упрекъ лишь статью о Зоценко. Она нисколько не враждебна, но большой талантъ Зоценко въ ней, по моему, недостаточно оцѣненъ.

Особое мѣсто въ книгѣ занимаютъ страницы о слогѣ Ленина. Какъ извѣстно, въ сов. Россіи этому слогу посвящены десятки изслѣдованій. Пильскій такими изслѣдованіями не занимается, — что жъ терять время? — но даетъ нѣсколько образцовъ красоты Ленинскаго слога (вродѣ «высвобожденіе пролетарской линіи изъ мелкобуржуазнаго угара»). «Какъ самъ Ленинъ», — пишетъ П. М. Пильскій, — «его статьи, его рѣчи были тоже помѣсю нѣмецкаго съ симбирскимъ, Маркса съ ханомъ... Онъ создалъ шаблонный языкъ, а этотъ языкъ сталъ шаблонной модой, скучнѣйшимъ изъ штамповъ, образцомъ того, какъ не надо говорить по русски, какъ не слѣдуетъ писать».

М. Алдановъ.

N. A. Hans. The Principles of Educational Policy. With an introduction by Prof. J. Dover Wilson. — P. S. King & Son, Ltd. London. 1929.

Если неприкосновенность личности, свобода совѣсти и слова, собственность были тремя основными правами, составлявшими содержание отрицательной свободы классическаго либерализма, то право на образованіе, на достойное существованіе и на трудъ являются основными правами, вытекающими изъ той положительной свободы, которую утверждаетъ современное демократическое воззрѣніе. Школьная организація становится такимъ образомъ центральной проблемой современнаго демократическаго государства. И дѣйствительно, достаточно хотя бы сравнить мѣсто, которое отводится школьной политикѣ въ программахъ современныхъ политическихъ партій (не только демократическихъ и социалистическихъ, но и такихъ антидемократическихъ, какъ фашизмъ или коммунизмъ), съ тѣмъ, которое отводилось имъ еще недавно, до войны, чтобы убѣдиться въ правильности этого положенія. Университеты англо-саксонскихъ странъ давно уже учли это обстоятельство, и курсъ школьной политики является нынѣ неотъемлемымъ элементомъ университетскаго преподаванія. Нѣтъ недостатка также въ литературѣ по этому вопросу. Но до сихъ поръ однако не было еще книги, которая дала бы сравнительный обзоръ состоянія и тенденцій школьной политики въ современныхъ демократическихъ государствахъ. Книга американца Sandiford'a «Comparative Education» даетъ хорошій обзоръ школьной политики шести современныхъ государствъ. Но она уже устарѣла со времени своего выхода въ 1918 г. и, вопреки своему названію, располагаетъ матеріалъ по странамъ, а не по проблемамъ. Очеркъ пишущаго эти строки, помѣ-

шенный въ новомъ нѣмецкомъ *Handbuch der Paedagogik* (Bd. IV), страдаетъ неполнотой, такъ какъ автору, по условіямъ изданія, пришлось опустить и рядъ странъ (Германія и Австрія) и рядъ проблемъ (націон. меньшинства, учительство, университеты), имѣющихъ самое существенное значеніе въ общей картинѣ современной школьной политики демократическихъ государствъ. Новая книга нашего соотечественника Н. А. Ганца, недавно получившаго степень доктора философіи Лондонскаго Университета за превосходную работу по исторіи организации школы въ Россіи, восполняетъ этотъ пробѣлъ. Она есть первый опытъ въ педагогической литературѣ дать полный и связный обзоръ школьной политики современныхъ государствъ. Несмотря на свой небольшой объемъ, она разрѣшаетъ свою задачу въ общемъ очень удачно, и проф. педагогики Лондонскаго университета Ж. Вильсонъ, написавшій къ книгѣ Ганца лестное предисловіе, былъ совершенно вправѣ вспомнить по поводу ея имена классиковъ сравнительной политики — Монтескье и Брайса.

Въ небольшихъ 12 главахъ Ганцъ разбираетъ вопросы о государствѣ, церкви и семьѣ въ отношеніи къ школѣ и ребенку; централизации и децентрализации въ управленіи школой; національныхъ меньшинствахъ; единой школѣ и такъ назыв. «исключительныхъ дѣтяхъ»; учительствѣ, программахъ, учебникахъ, и методахъ, университетахъ; финансахъ народнаго образованія. Книга завершается главой о націонализмѣ и интернационализмѣ въ политикѣ народнаго образованія, за которой слѣдуетъ обширная библиографія предмета и краткій предметный указатель. На 190 страницахъ малого формата автору удалось обнять обширный матеріалъ: кромѣ главныхъ государствъ современной Европы, онъ широко черпаетъ также свой матеріалъ изъ практики Америки и британскихъ доминионовъ и впервые вводитъ въ кругозоръ иностраннаго читателя точно проверенный и объективно обработанный матеріалъ изъ прошлой и нынѣшней русской практики.

Авторъ — убѣжденный демократъ, вѣрящій въ настоящее и будущее демократіи. Онъ слишкомъ эмпирикъ и слишкомъ во власти изслѣдуемаго имъ матеріала, чтобы, за несомнѣнными успѣхами демократіи въ области школьной политики, ощущать ея внутренніе апоріи и проявляющійся уже въ другихъ сферахъ политической жизни ея «кризисъ». Отсюда здоровый оптимизмъ автора, проходящій красной нитью черезъ всю книгу и черпающій силу свою въ наблюденіяхъ надъ эволюціей школьныхъ системъ въ англо-саксонскихъ демократіяхъ. Авторъ не задается вопросомъ о современномъ перерожденіи демократіи и не изслѣдуетъ того, какъ это внутреннее ея перерожденіе отражается на проблемѣ школьной организации. Онъ беретъ демократію такъ, какъ она сложилась въ современныхъ англо-саксонскихъ государствахъ, и, пользуясь этимъ своимъ эмпирическимъ критеріемъ, развиваетъ, примѣнительно къ отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ, основы демократической школьной политики. Но именно потому также авторъ менѣе всего догматикъ. Онъ не рисуетъ иде-

альной школьной системы, применимой во всех странах и во все времена, и очень часто относится скептически къ догматическимъ примолнейшимъ рѣшеніямъ, которыя многіе радикальные политики и педагоги привыкли считать демократическими. Такъ, напр., онъ правильно вскрываетъ недостатки теоріи и практики персональной національной автономіи, рѣшительно возражаетъ противъ государственной монополіи школы, противъ крайней децентрализаціи въ школьномъ управленіи, противъ безусловнаго исключенія изъ школы религіознаго образованія. Демократія есть для него менѣе всего однообразіе. Напротивъ она есть аристократія, но «аристократія духа и характера, а не происхожденія», и потому задача школьной системы — «обеспечить возможность наиболѣе полного развитія каждому таланту и каждой способности».

Поэтому, если книга Ганца и не удовлетворитъ вполне теоретика-политика и социолога, она явится превосходнымъ пособіемъ въ рукахъ практическаго политика и педагога. Въ особенности незамѣнима она какъ руководство при преподаваніи политики народнаго образованія. И это несмотря на одну существенную пробѣлу въ ней, который повидимому связанъ съ основной онимистической установкой автора. Мы имѣемъ въ виду проблему вліянія хозяйства на школьную систему, къ сожалѣнію совершенно обойденную авторомъ. Между тѣмъ эта проблема есть основная проблема современной школьной организаціи. Вопросы о дополнительной школѣ, о профессиональной дифференціаціи высшей ступени школьной системы, об угрожающемъ во многихъ государствахъ перепроизводствѣ «интеллигентнаго пролетаріата», о земледѣльческомъ образованіи и т. д. суть насущные вопросы современной школьной политики, и разрѣшены они могутъ быть лишь въ связи съ рѣшеніемъ общаго вопроса о взаимоотношеніи школьной системы съ новѣйшей эволюціей хозяйства. Включеніе этихъ вопросовъ несомнѣнно заставило бы автора существенно передѣлать главу объ единой школѣ, въ которой игнорированіе авторомъ проблематики демократіи ведетъ къ чрезмѣрному уже упрощенію вопроса и которая является вообще самой слабой главой въ книгѣ, а также побудило бы его включить въ книгу и особую главу о внѣшкольномъ образованіи, которое какъ разъ въ современныхъ государствахъ, съ развитіемъ въ нихъ демократической школьной системы, приобретаетъ особенное значеніе. Какъ никакъ — и это особенно видно на примѣрѣ Англій и британскихъ доминионовъ — правительства современныхъ демократій все болѣе и болѣе рекрутируются не изъ лицъ, прошедшихъ нормальную университетскую школу, а изъ участниковъ рабочаго образовательнаго движенія, и судьба демократіи все болѣе и болѣе зависитъ отъ правильной постановки послѣдшкольнаго образованія, возлагающей и на государство, и на хозяйственныя организаціи, и на университеты новыя задачи и обязанности.

С. I. Гессень.